

Е.Д. Королева (г. Троицк)

**ТРУДЫ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В УКРЕПЛЕНИИ
БЛАГОЧЕСТИЯ И НРАВСТВЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
(Троицкий уезд Оренбургской губернии середины
XIX – начала XX вв.)**

В своих отчетах о вверенных им церквах и пастве приходские священники, благочинные, правящие архиереи делали обзор благочестия и нравственности православных. Во второй половине XIX в. в церковных документах, в светских и церковных изданиях уделялось большое внимание упадку веры и нравственности, анализу причин этих явлений, рассмотрению «средств возбуждения в обществе потребности высшим духовным, религиозно-нравственным интересам».

Особым предметом заботы и тревоги духовенства было образованное общество. Воспитанные и просвещенные на европейской культуре дворяне, интеллигенция, чиновники большей частью не знали, не интересовались традиционной системой ценностей, с пренебрежением и высокомерием относились к своей стране и ее народу.

Оренбургский архипастырь в отчете о состоянии епархии за 1913 г. записал: «В культурной среде паствы, т. н. интеллигенции, – теплохладность, безразличие к вере. Ни в какое ее собрание не принято говорить по вопросам веры и благочестия. В обыденной жизни — га же распушенность, что и в низших людях, то же хулительство в утонченном виде»¹.

Всякий раз общественные потрясения вызывали всплеск активности в печати по вопросу о «моральных болезнях современного общества». Светская периодика причину этого видела в темноте «черни непросвещенной» и в пороках церковных пастырей. Духовенство призывало искать причины общественных недугов не только в «чужом огороде» и ставило свой диагноз. В 1880 г. профессор Московского университета А.М. Иванцов-Платонов в «Московских епархиальных ведомостях» так обозначил «общественные болезни»: непомерная гордость, беспощадная строгость к другим и несамокритичность, злословие, легковесность суждения о серьезных предметах, все это прикрывалось высокопарной лексикой об «общем благе». Главную причину этого он усматривал в уклонении образованного общества от православия, которое «дает смысл ... всяким убеждениям»².

Либеральные убеждения интеллигенции порождали непросто безрелигиозное поведение, но, прямо-таки, антихристианское. Автор статьи в

«Оренбургских епархиальных ведомостях» 1901 г. изображает «грустные картины церковно-общественной жизни: во время церковных служб – театральные репетиции, спектакли, возле кладбища – каток, на крестопоклонной неделе – цирк»³.

Современники обвиняли духовенство в пьянстве, невежестве, выпрашивании «куска хлеба». «Церковники» не отрицали этого, но приглашали перейти от обличения к разумному рассуждению о причинах и совместным усилиям по их искоренению. Недугом нетрезвости страдал, главным образом, нисший клир духовенства: диаконы и псаломщики были близки к простому народу, недостаточно воспитаны, не умели с пользой проводить свободное время. Обвинение священников в вымогательстве имело свое объяснение. До воцарения Александра III духовенство не получало жалования от казны, а содержалось «доброхотными даяниями» за требоисполнение – деньгами, продуктами, трудом прихожан. В отчете за 1894 г. епископ Макарий иллюстрирует почву столкновения священника и крестьянина: «...крестьянину, по скудости средств его и при сознании, каким тяжелым трудом достается ему насущный хлеб, всюду мерещится, что хотят отнять у него последнее, – и потому всякий просящий у него... является для него... ненавистным... (а священник навлекает) на себя подозрение в корыстолюбии»⁴. Большой частью отчеты священников о материальном состоянии духовенства, особенно сельского, единогласны – бедность.

Материальное благосостояние священства несоизмеримо с разнообразием и важностью его деятельности, с усердием большей части духовенства. В провинции приходской батюшка был учителем, врачом, историком, статистиком и пр. Благочестивая жизнь священника, служебное рвение стяжали ему искреннее уважение народа.

Корреспонденты газет и журналов в вопросе охлаждения общества к вере не снимали ответственности с духовенства: пастырство незаметно из призвания стало делом механической выучки.

Священники обращали внимание общества на главное бедствие народа – пьянство, а также на религиозное невежество и его спутник – грубейшие суеверия, например, уклонение от исповеди и причастия молодых супругов год после женитьбы; непочитание старших, сквернословие, распутство, курение. И как вершина «нравственного одичания» — нерадение к богослужениям, внешняя обрядовость, неуважение к священству.

Священники различали уровень религиозно-нравственного состояния слоев населения, утешительнее он был в сельской местности. Среди предпосылок, ускоряющих процесс обмирщения, назывались: удаленность населенного пункта от церкви, ее вместимость, условия казенного быта, сезонная работа, оторванность от семьи казачества, приисковых рабочих,

ранняя материальная независимость работающей молодежи от родителей, соседство с раскольниками, сектантами, инородцами.

Влияние революции 1905–1907 гг. и последующих потрясений стало еще одной важной причиной ослабления вековых устоев русского народа. Выражалось оно по-разному, так, по замечанию приходского батюшки, в крестьянстве видно «желание всеми способами дать почувствовать священнику, что «мы-де теперь стали люди свободные». Оговоры при сборе новины, сокращение платы за требоисполнение»⁵.

РПЦ в лице своих пастырей, архипастырей и мирян предлагала и осуществляла рашообразные пути и средства упрочения христианских и нравственных добродетелей. Прежде всего, это исповедь и приобщение Святых Тайн, личный пример благочестивой жизни священника, проповедь, внебогослужебные беседы, школьное обучение, цель которого утверждение религиозно-нравственных понятий и распространение полезных знаний. В борьбе с пьянством предлагались и использовались разные методы, но действенными считались создание обществ трезвости, а также ограничение и запрет продажи спиртных напитков.

Жизнь многообразна и противоречива, и страницы отчетов благочинных сочетают, казалось бы, несоединимое: примеры морального оскудения и религиозного нерадения перемежаются описанием высот духовной жизни. Духовно-нравственный подъем народа с особой силой проявлялся в году природного и общественных бедствий. Так, в истории Иоанно-Предтеченского прихода Уйской станицы настоятель церкви записал следующее: в 1848 г. в окрестностях свирепствовала чума и «т. к. в то время строился каменный храм, то народ, в виду грозного посещения Божия, бросился на работу дома Божия и работал безнлатно»⁶.

Духовенство единодушно в оценке религиозно-нравственного состояния православных в годы Первой мировой войны. Как писал благочинный градо-Троицкого округа протоиерей И. Ильин в 1915 г.: «Нисполненное нашему отчеству тяжкое испытание в переживаемой нами великой войне и последовавшее в связи с чтим событием мудрое запрещение продажи спиртных напитков, заметно отразилось благотворно на нравственной жизни паствы: народ счал серьезнее, почти прекратилось пьянство, менее стало слышно о хулиганстве. К храмам Божиим и богослужению простой народ довольно усерден, чего нельзя сказать о т. н. интеллигенции, которая за немногим исключением... редко заглядывает в Храм Божий»⁷.

Таким образом, общая картина религиозно-нравственного состояния была неоднозначна, как и сама действительность. И это типично в целом для дореволюционной России. Оскудение православного духа народа, ос-

лабление нравственных норм, государственного послушания постепенно возвращали революционное сознание. Главную надежду на духовное возрождение Церковь возлагала на духовенство и его пастырское служение.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 10579. Л. 18. об.
2. Оренбургские епархиальные ведомости (О. е. в.). 1880. № 7. Отд. неоф. С. 235–236.
3. О. е. в. 1901. № 8–9. Ч. неоф. С. 340.
4. ГАОО. Ф. 173. Он. 3. Д. 116. Л. 27.
5. О. е. в. 1911. № 6. Ч. неоф. С. 162.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10579. Л. 17.
7. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9558. Л. 74, 74 об.

О.Е. Крылова (СОКМ)

О ВАРИАНТЕ ИКОНОГРАФИИ «СОФИИ ПРЕМУДРОСТИ БОЖЬЕЙ»

В истории изучения древнерусского искусства тема «София–Премудрости», наверное, одна из самых популярных. Начиная со второй половины XIX в. проблемам символики и иконографии «Софии» посвящено около десятка статей и исследований¹. Однако в них рассматривались в основном классические типы композиций. Данная работа посвящена вопросу особенностей иконографии «Софии» в памятниках Нового времени, а именно в невянских иконах.

«София Премудрость Божия» – один из примеров так называемых «символично-догматических» сюжетов, раскрывающих догматы православной церкви. Подробно литургическая символика композиции рассматривалась А.И. Яковлевой в статье «Образ мира» в иконе «София Премудрость Божия»². Анализируя памятник из Благовещенского собора Московского Кремля (классический вариант новгородской иконографии «Софии»³) А.И. Яковлева называет несколько идей, связанных с символикой иконы, и в частности, идеи «богосотворенности и пространственной ограниченности вселенной; богохранимой державы; града, храма и человека»⁴. Для нас особенно важными являются следующие замечания А.И. Яковлевой: во-первых, образ Иоанна Предтечи и текст на его свитке позволяют трактовать образ Софии как «Агнца в момент богоявления»; во-вторых, сопоставление в иконе образов Богородицы и Предтечи вместе с Христом–Агнцем в центре создает идею единства Церкви, так как